

КАЗИМИР КАМЕЙША

Равняясь на век

Поэт — всегда сенсация

Почти каждый интересный и оригинальный автор, начиная свой творческий путь, заявляет о себе неожиданно и в некоторой степени даже сенсационно. Так было и с Василем Макаревичем.

Как вспоминает известный поэт Микола Аврамчик, однажды в редакцию журнала «Маладосць» пришло письмо со стихами, в которых говорилось о севере, нелегком труде лесорубов, суровой красоте таежного края. Был конец пятидесятых — начало шестидесятых годов, когда невинно осужденные и репрессированные возвращались домой, становились полноправными гражданами своей страны. Стихи были написаны интересно, в строчках имелась поэтическая живинка, новизна, и сотрудники решили, что принадлежат они перу поэта, у которого за плечами не только нелегкий труд и годы, проведенные на севере, но и немалый опыт работы в поэзии. Как ни старались вспомнить, где печатались произведения этого автора в довоенное время, никто не мог сказать ничего определенного. Решили позвонить в редакцию Крупской районной газеты и спросить, знают ли там, кто такой В. Макаревич. Оказалось, что это недавний выпускник Ухвальской средней школы, который жил в отдаленной деревеньке Купленке. Попросили передать, чтобы он приехал в редакцию журнала «Маладосць». И когда тот появился, все увидели совсем молодого парня. Василь рассказал, что после окончания средней школы вместе с ровесниками-односельчанами завербовался и поехал на лесоразработки в Архангельскую область. Проработав на лесоповале зимний сезон, возвратился домой, в родные места. И в результате появились стихи, посвященные тайге, лесорубам, удивительной северной природе. Они понравились работникам редакции и вызвали чуть ли не сенсацию.

Подборка стихов В. Макаревича была напечатана на страницах «Маладосці», а через некоторое время он стал студентом Белорусского государственного университета. Занимаясь на отделении журналистики, он активно работал и в поэзии, регулярно печатался на страницах журнала «Маладосць» и в других республиканских изданиях. В стихах присутствовал молодой запал, юношеская энергия, искрометная веселость и неумный задор. Автор писал не только о севере, но и о том, что видел вокруг себя, и в первую очередь обращался к сельской тематике.

«У вочы ціха глянуць васількі»

По-хорошему удивляла и моральная чистота, душевное чувство лирического героя первых стихов молодого поэта. В них не было наработанного умельства, определенной выучки и практики, приходящих с годами. Строки его стихов бесхитростные как по замыслу, так и по их воплощению, с традиционной рифмой, которой придерживался в то время автор.

Рассунеш жыта спелае ўбакі,
І з дна разоры пільна і адкрыта
У вочы ціха глянуць васількі,
Напоўненыя смуткам і блакітам.

На первый взгляд поэт рисует обыкновенную картинку сельского пейзажа. Но посмотрите, как он это делает! Пейзаж не существует сам по себе. Автор сразу же дает оценку василькам, высказывает к ним свое отношение. Они не только украшают и облагораживают окружающий мир, но и способны передать то самое глубокое и таинственное, что чувствует лирический герой, глядя на них.

Как бы ни тянуло поэта в дальние неизведанные края, где живет сказочная жар-птица, душой и мыслями он всегда связан с родиной. Не потому ли даже простые предметы домашнего обихода обретают для автора большое, почти культовое, значение? Он ценит эти предметы, видит в них какую-то волшебную силу: «Далонь цяжкая ды мужыцкі пот... З людзьмі жыву я і з людзьмі бяую. І гавару з пашанай пра тапор, што ставіць хаты ды прысцен будуе». «Ды я баюся за яго тады, калі ён трапіць у ліхія рукі. Гатоў наводмаш ён ссякаць сады і з крэткам па камлях здранцвелых грукаць».

Какая-то незримая нить связывает эти строки с другим стихотворением, где говорится о девушке, в которую были тайно влюблены почти все деревенские подростки, в том числе и будущий поэт. Сельские мальчишки-шалуны наблюдали из-за кустов, как она купалась в реке с подружками, выделяя ее красоту и привлекательность. А поэтому «у думках ядраных і колкіх зарок давалі як адзін, што мы, заступнікі, нікому яе з сяла не аддадзім». И какой же трагедией стало для деревенских подростков событие, когда «прыехаў на гарачай тройцы з суседняй вёскі старшыня. Забраў яе і так, без выкупу, павёз, руды, як авадзень». И в результате: «Нібы ў вадзе халоднай выкупаў нас той гарачы летні дзень».

Читатель отчетливо понимает, какое горе обрушилась на головы влюбленных подростков. Казалось бы, на последней строке можно уверенно поставить точку. Но В. Макаревич решает усилить драматизм стиха и завершает его очень важной и весомой в смысловом значении строфой: «И доўга ў далечы кісейнай не заціхаў і не змаўкаў не звон, а плач таго, вясельнага, з кривою трэшчынай, званка». Что-то подозрительное и тревожное вызывает у нас свадебный звонок с «кривою трэшчынай». Разве это не намек на несчастливую будущую судьбу героини, которую увез «з суседняй вёскі старшыня», человек, в прежние времена властный, избалованный своим руководящим положением?

Все это говорит о том, что в бытовой сельской жизни, кажущейся, на первый взгляд, монотонной и ничем не примечательной, В. Макаревич смог увидеть через магический кристалл поэзии те мелкие крупинки, которые под его пером приобретали новую форму, окраску и значение.

Нельзя не отметить и тот факт, что в небольшом стихотворении поэт может соединить далекое прошлое и настоящее, показать преемственность всего лучшего, что имело в человеческой цивилизации. Вот стрела, которую выпускали из лука наши далекие пращурь, чтобы поразить животное, долгое время: «...залела на вятрах, у промнях сонечных купалася і, чырканыўшы па вяках, да ног упала ў ноч купальскую». Разве в сказанном не присутствует завидная художественная фантазия? А в заключительной строфе она становится еще более яркой и примечательной: «Стралу падняў я і пасля лук напінаю, дзень свой хвалячы, каб рэактыўную наспаць праз небасхілы і праз далечы».

Городские мотивы

Но уже скоро молодой поэт, который учился в университете, начал осваивать городские темы, вводит в свои произведения городской колорит и антураж. В этих стихах более заметной становится интеллигентность и культура поэтической строчки, несмотря на то, что во всем этом легко угадываются сельские корни автора и его происхождение.

Ляжыць, ад мух не адбіваецца,
Здаецца, што сабака спіць.
А ў зрэнках ззяне адбіваецца
Стальных веласіпедных спіц.

В строчках чувствуются легкость и грациозность, даже какая-то воздушность картинки, высокое чувство слова и присутствие строгой палитры и еще какого-то торжественно-обыденного веселья и необычной раскованности, возникающей тогда, когда говорит сама душа. И в результате строчки как будто сами ложатся на бумагу, похожие внешне на тонкие, еле видимые черточки, которые сливаются в яркую и выразительную фреску.

Удивительно и то, что молодой в то время автор продемонстрировал в этом стихотворении высокую культуру слова и художественного мастерства. Автор не занимается описательностью, а подает окружающий мир изнутри, причем, через восприятие собаки. Внутренний сюжет стиха развивается по законам драматургии. Картина летнего городского дня раскрывается, постепенно переходя от одной художественной детали и

зарисовки к следующим. Они идут одни за другими с удивительной логической последовательностью, становясь одним сплошным полотном, кинолентой, давая возможность, как через увеличительное стекло, увидеть панораму того, что происходит на улице: «Пад шум шырокі, манатонны лісты, гарачыні, вады ляцяць машыны, матаролеры, грымяць па бруку абады».

Вот поэт на широкой городской улице увидел коляску инвалида. И это послужило поводом для написания стихотворения:

Таварыш просіць:
— Падштурхні!
І я штурхаю:
— Калі ласка!
Сярод натоўпу, таўкатні
Паволі коціцца каляска.

Гляджу ўслед. Каго вініць?
І прад'яўляць каму прэтэнзіі?
Здаецца мне, што здань вайны
Балюча рыпае прагэзамі.

Многие стихи Василя Макаревича, короткие по своему размеру и выразительные по мысли и содержанию, похожи на стекла, через которые он глядит вокруг себя, а чувство напоминает сгусток внутренней душевной энергии и является тем силовым полем, которое помогает сосредоточиться читателям на самом главном и важном для поэта. Автор не стремится положить в основу произведений какую-то грандиозную проблему, чаще всего он обращается к тому, что происходит вокруг, но говорит об этом интересно и захватывающе.

Сказать емко, афористично

Сказать емко, афористично, словно вырезать слово, как говорил М. Танк «на камні, жалезе і золаце», — вот цель, которую ставил перед собой молодой поэт и тогда, когда говорил о море и морях, попавших в беду. Главное в строчках — романтическая картина, написанная в духе и стиле Айвазовского. «Не шкадавала мора нас. Не шкадавала мора кацера. Ударыць хваля — і штораз былі ўсе мы ў накауце». Поэт смог настолько убедительно возобновить ситуацию и сам шторм, что читатели уверены, именно вот так все и было: «О, мора, найвышэйшы бал табе арбітры ўсе паставілі. То бушаваў дзевяты вал, хоць малады, але па-сталаму».

Нетрудно убедиться, что автору удалось не только размашисто и захватывающе воспроизвести бушующую стихию шторма, но и в том, что каждое слово стоит на своем, только для него предназначенном месте. Мысль свободно переливается из строки в строку, вызывая интересные ассоциации, догадки и домыслы, которые напоминают аналогичные случаи, произошедшие с читателями. Помогает автору разговорная интонация, уверенное владение словом. Действие в стихотворении развивается в нужном направлении, основная метафора обрастает новыми художественными деталями и уточнениями, образами и сравнениями, делая произведение более правдоподобным, живым и жизнеутверждающим. Вот как это звучит в стихе: «А мы наперад так ішлі, што аж сівеў бурун за кілем. Шырокі промень, як ручнік, з-за хмар нарэшце сонца кінула».

Умеет Василь Макаревич абстрактные понятия сделать материальными и конкретными настолько, что они становятся словно осязаемыми: «Нас калыхалі, а за хатай прэлі ў папараці парнай паралелі. Зарыўшыся у душныя туманы, ляжалі, як жардзё, мерыдыяны». Заслуживает внимания и впечатляет то, что предметы, о которых идет разговор, рассматриваются с разных сторон и в различных аспектах авторского восприятия. О меридианах и параллелях поэт говорит: «Укрытыя бульбоўнікам і бобам, не меней дзесяці разоў на дні яны трашчалі ніткамі пад бомбамі і курчыліся, тонкія, ў агні». Складывается такое впечатление, будто автор, схватив кончик разноцветной нитки, разматывает весь заколдованный клубок, старается соткать какую-то необыкновенную вещь, которая бросается в глаза не внешней разукрашенной пестротой, а индивидуальностью, новизной орнамента и рисунка, где есть глубокий смысл и содержание. Эти качества и делают стихотворение

интересным. Всё новые и новые цвета вплетает поэт в его ткань. «Няўмольнай караю і помстай бацькавай вяртаўся гром натруджаны дамоў. Іх звязвалі, нібыта сець рыбацкую, з якой ісці патрэбна на улоў». Находит поэт связь с ними и со своим личным и собственным, что делает строки более теплыми и подкупающими: «Я чую кожны дзень, як сэрца грукае аб рабрыны крутую паралель».

Характерно в этом отношении и другое стихотворение, в котором поэт говорит: «Стыне мароз, як жалеза. Сон ці не сон? Не ачнуся. На полюс паўночны ўзлезу, аблакачуся». В этих строчках присутствует не только масштабность, но и личное восприятие окружающего мира, к которому поэт относится как-то по домашнему просто, позволяя себе даже облокотиться на полюс, как на письменный стол или другой привычный предмет. Цепочка вот таких масштабных и грандиозных метафор выстроена через все стихотворение, и оно ничуть не теряет реальности и жизненности того, о чем ведется разговор. Используя глобальную образность, поэт утверждает: «...і з горада, — як карабель з бухты выходзіць, — я выйду». Как бы стараясь окольцевать стих, связать воедино сказанное от начала и до конца, поэт в заключение говорит: «Запаліць горад агні, развесіўшы зоры гірляндамі, лягу я ў далечыні, як ля Еўропы — Грэнландыя». Сказано почти фантастически. Но зато очень предметно, «весомо, грубо, зримо». А эти качества никогда не были лишними в стихах, если использованы в нужной мере.

Шестидесятник

Нужно отметить, что, печатаясь на страницах газет и журналов, Василь Макаревич ведет смелую фронтальную разведку по всему периметру поэтического материка и того переднего края, где работали беспокойные искатели и открыватели художественных ценностей, ищет новую форму для воплощения своих замыслов и тем. Стихи того времени свидетельствуют о том, что поэт активно и вдумчиво учился мастерству у русских поэтов, в первую очередь у Е. Евтушенко, А. Вознесенского и Б. Ахмадулиной. Конечно, он не подражал, не перепевал их. Это была творческая учеба. И стихи В. Макаревича во многом отличались от стихов его коллег-ровесников по горячему цеху. Об этом свидетельствует стихотворение, посвященное станции.

Ты вузляком завязана мне,
станцыя.
 Завязаная на бяду ці шчасце?
 Стаю у ботах новых
і блішчастых.

В этом стихе поэт как бы выходит на новые для себя горизонты и возможности. Ко всему, биография поэта в поэтических строчках становится романтической и немного загадочной: «Прапахлая завезенаю воблаю і лютаўскай марознаю вярбою, ты везла ў Архангельскую вобласць хлапцоў, як лесарубаў і вярбованых».

Если пользоваться близким к афоризму выражением, то станция для поэта — больше чем станция. Она в некотором смысле его учительница, а может быть, и вторая мать, отвечающая за судьбу своего подопечного. Недаром он обращается к ней с вопросом: «Я позіркам нямым цябе пытаю: куды ж мяне адправіш ты, куды?»

«Крамола»

По своему звучанию это стихотворение отличалось не только своей формой, но и еще тем, что его лирический герой был обеспокоен и в чем-то неуверен, что-то искал и не находил. Для него не до конца было понятно то, что должно быть понятным для любого и каждого: впереди всех ожидало «светлое будущее». Эта неуверенность автора граничила с некоторой долей крамолы, которая отнюдь не приветствовалась. Это было начало того времени, которое назовут потом «застойно-застольным», когда начнут исправлять перекосы, допущенные при хрущевской «оттепели», и станут перевоспитывать диссидентов и других «отщепенцев». В это время в одном печатном издании и появилась статья, в которой утверждалось, что В. Макаревич чрезмерно увлекается рифмой и в большинстве случаев пишет ради этой рифмы. Обвинение и нападки были,

что называется, шиты белыми нитками. Но в душу поэта было заронено недоброе зерно сомнения. Он заявляет:

Стаўлю задачу перад сабой
 Думаць канкрэтна.
 Скажам,
 на бераг паўзе прыбой
 і ад натугі крэчча.

Образ, как видим, броский, выразительный и свежий. Он, кажется, готов был прилущаться к критике. Но что-то не давало ему свернуть с той дороги, которой он шел, и с той деланки, где работал до седьмого пота. Из-под его пера выходят строчки и строфы, написанные далеко не в традиционной манере:

Сам жывеш, нібы жыта жнеш,
 Утыркаешся ў дзень, як вілы.
 Вось таму кожны новы верш
 І бывае парой, як вывіх.

Такие вот задиристые, нестандартные строфы не могли не обратить на себя внимание как читателей, так и критиков, встречающих в штыки все то, что можно отнести к новшеству и что не вмещается в привычные рамки, которые считали традиционными. Это чувствовал В. Макаревич и, говоря о стихе, восклицал: «Ён баліць мне, баліць, баліць, непадстрыжаны і непаголены, калі вуліцай тлумнай бяжыць, аж мільгаюць смуглыя голені».

Такие вот незамысловатые, но незаштампованные строфы некоторые критики воспринимали как литературные выкрутасы, видели в них надуманность и вычурность. Помнится, один приверженец замшелых стихов о горе и курганах возмущался, цитируя вот эту строфу из стихотворения «Сон»: «Імчу, а мне здаецца, не імчу. Здаецца, ўсё імчыць мяне адносна. Мяне то закідае, то адносіць. Хачу крычаць, ніяк не закрычу».

Поэт все время находился в движении и поисках, а для этого необходимы, как известно, не только хорошая душевная сила и уверенность, что идешь в верном направлении, но и физическая форма и здоровье. К сожалению, последнее подвело поэта, и он очутился на Кавказе, где вынужден был провести шесть месяцев. Находясь там, он обращается к известной кавказской реке: «Думаў, на смех ты курам, вады — вераб'ю напіцца. Глянуў — злятаеш, Кура, з-пад воблакаў шаляніцай».

Нетрудно заметить, что строчки живые, пружинистые и вместе с этим энергичные, с разговорно-бытовой интонацией, делающей их легкими для восприятия и запоминания. В дополнение к этому в строчках присутствует прежняя напористость и эмоциональность. Звучание стихов становится более убедительным и спокойным.

Маленькие поэмы

Большой творческой удачей можно считать паэму В. Макаревича «Мацярык маленства». О чем в ней идет речь — можно догадаться по названию.

Сколько в ней точных, запоминающихся деталей:

Патрэбай скаваны лямеш,
 Разважлівы і трывалы,
 Колькі вякоў ля меж
 Сунешся ты памалу.

Если внимательно присмотреться к некоторым стихам Василя Макаревича, нельзя не заметить, что в них он использует сквозные образы и метафоры. К этому художественному приему поэт прибегает и в стихотворении «Маразы», которое можно назвать маленькой поэмой. Морозы в этом произведении являются своеобразными героями. Они наделены чертами, имеющимися и у людей. Поглядите, как живо и образно сказано о морозах в самом начале стиха:

У кірзачы абутыя,
 У полі й між лазы

Са скрыпам ходзяць лютыя
 Са скрыпам маразы.
 Бялёсья і гнедыя.
 Шкларэзы.
 Разьбяры.
 Рахманья і гнеўныя, —
 Ідзі іх разьбяры!..

Вчитываясь в произведение, кажется, попадаешь в сказочный мир, где действующими лицами предстают перед нами не только морозы, но и все то, к чему они прикасаются: «У лёд адзенуць возера, — хай спіць на дне шчупак! І за сякеры возьмуцца — давай бары шчапаць!» Этот набросок с натуры, кажется, выгравирован на льду или на стекле, настолько он живописен и щедр на краски. Создается впечатление, что его можно потрогать рукой и ощутить на ощупь. В таких строчках словам тесно, а мыслям просторно. Образы вызывают богатые и почти фантастические ассоциации. Морозы поэта разнообразны и могут выступать в различных ипостасях: «А ці даўно з бародамі, хаця і бабылі, хадзілі ваяводамі і ў гетманах былі!..» Разве вот такое невероятное, во многом, сказочное превращение морозов может оставить равнодушными читателей, не вызвать у них искреннее удивление и восторг?

Продолжая произведение, В. Макаревич балансирует на грани возможного, рискуя перебрать меру и впасть в гипертрофию. Но у него завидное тонкое художественное чутье, которое не дает впадать в крайность, когда он обращается к самым сложным метафорам и говорит, продолжая прежнюю тему: «З лядункамі-гірляндамі — а быў зусім руды — блішчэў, нібы Грэнландыя, клін царскай барады». Такое преувеличение не только не искажает общего впечатления от картины, наоборот, усиливает его, вызывает у нас определенные эмоции.

В похожей манере создано и стихотворение «Портрет хлеба». Это своеобразный гимн этому земному чуду, без которого немислима наша жизнь. Автор заявляет: «Ні хан, ні ўдзельны князь, а хлеб адзін па праву акрасай быў з акрас ўсёй дзяржавай правіў».

Образ хлеба проходит через все произведение. Кто может удивиться, что он был «у Першага Пятра памочнікам найпершым». И далее: «Над сіверам аблок з кагортай дружнай брацкай таксама быць жа мог у снежні на Сенацкай». Под пером В. Макаревича хлеб принимает облик сказочно-былинного героя-богатыря, не утрачивая при этом и свои главные черты, и предназначение — кормить людей, быть их помощником в повседневной жизни. В стихотворении присутствует внутренний сюжет. Скорее всего, это сюжет поэтической мысли, которая бьется, пульсирует, рождая различные ассоциации, догадки и много чего другого, значительного и интересного, помогает перейти от одного предмета и явления к другому. Хлеб выступает как гарант от различных бед и несчастий. Мы видим в нем и земное, и неземное, возвышенное и обожествленное: «Дармо, што ў ціскі сухмень і голад бралі, ён грукаўся ў бакі, ажно гула іх брама». В одической манере автор отдает должное хлебу, как экстравагантному романтику, неумемному путешественнику и открывателю. В заключение автор задиристо и многозначительно восклицает: «Ён для ўсіх патрэб! Яму штодня малюся... Вось хлеба вам партрэт! Няпоўна? Дамалюйце!»

Публицистический накал

Свое собственное «я» Василь Макаревич связывает с общечеловеческим и государственным. Например, автор, рассуждая, почему произошла Чернобыльская катастрофа, показывает ту атмосферу и события, которые предшествовали ей и стали предвестниками страшной беды. Используя прием гиперболы и сарказма, В. Макаревич говорит, что «раскашаву ў крэсле генсекавым не кіраўнік, а сапраўдны пахан», и в то же время «у кожнай рэспубліцы, у кожнай вобласці сядзеў ягоны мардаты мюрыд». Согласитесь, не очень лестная характеристика ответственных руководителей. Говорит поэт и о тех, кто посчитал себя виноватым в том, что случилось в Чернобыле, и решились на крайнее: «Самыя лепшыя і найсумленныя свінцовую кроплю пусцілі ў скронь». Но явился ли этот трагический поступок выходом из создавшейся ситуации? Безусловно, нет! Нужны были иные решения и действия. После ликвидации аварии на АЭС поэт правильно представлял, что нужно было сделать в будущем: «Мы ведаем, што трэба нам рабіць, — праз лёгкія азон, пясок праз пальцы, дзе па глытку, дзе жменяй працадзіць». Это уже самопожертвование

тех, кому предстояло жить и залечивать раны, которые принесла Чернобыльская катастрофа.

Немало в творческом активе поэта стихов с публицистическим накалом и страстностью, но наполненных лирическим звучанием и душевным откровением. Характерны в этом отношении строчки о родном крае. «Беларусь — Бермудскі трохвугольнік — пасярод Еўропы ўсёй якраз, дзе танулі ў дыме і вуголлі арміі варожыя не раз». Нетрудно заметить, что в строфе произошло переосмысление географических мест и названий, с характерными для них явлениями. В целом стих звучит оптимистически, хотя в нем можно услышать еле уловимую иронию и сожаление, что у нас такое прошлое, о котором сказано точно и предельно сжато: «Нас тады гісторыя і грэла шчодрэ, з чатырох амаль бакоў, калі скрозь вада і дол гарэлі ад агню прышэльцаў-чужакоў». Прошлое, к сожалению, повторяется. «Бог ці д'ябал смак бяды пазнаўшы, патрабуе зноў ад нас ахвяр», — замечает поэт.

Портреты поэтов

Василь Макаревич написал стихотворные портреты наших знаменитых поэтов, которые жили в далеком и недалеком прошлом. В стихотворении о Купале речь идет о трагической судьбе поэта, когда он сделал попытку уйти из жизни. О том, что заставило его пойти на этот трагический шаг, автор говорит: «І не Дантэс. А дон Данос у брудзе, пэўна, па калена, скрозь вырашаў няшчадна лёс людзей і цэлых пакаленняў».

Некоторые стихи, посвященные поэтам, созданы на основе реальных событий, взятых из жизни. Например, поэтесса Е. Лось рассказывала о том, что во время ее творческой поездки в Германию, где она встречалась с немцами, ее что-то подталкивало произнести: «Хендэ хох!» Почти анекдотический случай. Но В. Макаревич увидел в нем нечто значительное и трагическое. Он показывает поэтессе во время танца с правнуком канцлера Бисмарка и отмечает: «Ды твар яе ружовіцца, бы ў сарамлівай школьніцы, і ледзь з грудзей не вырвецца адно цяжкое — вох! У галаве ўсё круціцца, у памяць лезе, колецца чамусьці не забытае да гэтуль "Хендэ хох!"». Конечно, поэтесса сама понимает, что все, что происходит с ней, не к месту. Но ничего не может поделать с собой. Поэт кратко и выразительно передает ее внутреннее состояние: «Ёй гаварыць бы мімікай, вясьлымі паглядамі з табой, танцор, пра рознае, і варажыць пра лёс! А ў памяці ранейшае: расстрэлы, сёлы — лядамі... І — кулакі сціскаюцца, і — па спіне мароз». Любые комментарии тут были бы лишними.

Его поэтическое слово

Лучшим произведениям Василя Макаревича присущи исповедальные мотивы. В них немало личного, глубоко интимного, автобиографического. И того, чем можно похвалиться, и того, о чем лучше промолчать. И тем не менее, лирический герой, а вместе с ним и автор, не хочет скрывать того, что было с ним: «Як чорныя гракі чырвонай баразною — усе мае грахі — услед, услед за мною!»

Жизнеутверждающей и светоносной энергией наполнены и произведения Василя Макаревича, которые были напечатаны в последние годы на страницах наших литературных изданий.

В своем творчестве Василь Макаревич старается отобразить жизненную правду, дойти до ее артезианских глубин, понять душевные запросы современника, проникнуть в его внутренний мир, осмыслить некоторые исторические события и все перипетии, связанные со становлением нашей республики, и этим самым подтверждает, что его поэтическое слово хлопочет, работает и в результате способно вызывать у читателей эмоциональное чувство и эстетическое удовлетворение, как это бывает при встрече с настоящей поэзией.

